
ТРИНИТАРНОЕ ПОНИМАНИЕ МАТЕРИИ

Р.Г. Баранцев

Математико-механический факультет СПбГУ

Следуя Аристотелю, мы понимаем под материей всё то, из чего состоит мир. И опираясь на тринитарную методологию [1], рассматриваем, наряду с веществом, обладающим массой, и полем, обладающим энергией, также третью компоненту материи – силу, обладающую активностью. При этом представление о материи преодолевает бинарную альтернативность и обретает системную целостность. Сопоставляя триаду материи *вещество-сила-поле* с семантической формулой системной триады *рацио-эмоцио-интуицио*, мы видим, что сила оказывается в аспекте эмоцио, то есть там же, где активность, движение, жизнь. Архетип, претендующий, как и сила, на роль направляющего параметра порядка в гуманитарной сфере, ассоциируется с таинственным понятием стиля.

Прежде всего, следуя Аристотелю, будем понимать под материей всё то, из чего состоит мир. Тогда идейное содержание мира оказывается не антитезой материальному, а составной частью материи. Физики уже перестали отождествлять материю с веществом, обладающим массой, и допускают в материю другую, самостоятельную компоненту – поле, обладающее энергией. Однако бинарная оппозиция *вещество-поле* продолжает порождать модельные вопросы типа первичности, уводя философию в спекулятивные дебри. Бинарная структура, будучи инструментом анализа, вообще не способна вести к синтезу целостности. Для примирения сторон оппозиции требуется третья компонента организации, задающая меру компромисса. Включая тернарную структуру [1], мы обнаруживаем существование семантического архетипа системной триады

Интуицио

Рацио

Эмоцио,

помогающего находить нужную компоненту в подходящем смысловом месте. Так, относя *вещество* к *рацио*, а *поле* к *интуицио*, мы видим, что меру их совмещения следует искать в области *эмоцио*, трактуя это слово достаточно широко на том же уровне общности, каковой задают соседи по системной триаде. Оно должно объяснять творческое взаимодействие *рацио* и *интуицио* в динамике жизни.

Допуская саморазвитие Вселенной [2], мы должны признать, что сущее активно. И это свойство всё более заявляет о себе как ведущий фактор эволюции. «Движущим фактором эволюции на всех уровнях можно признать активность», – утверждает известный эволюционист, историк и философ науки Ю.В. Чайковский [3, с. 112]. И если активность действует *на всех*

уровнях, то следует признать её исходным свойством всего, из чего состоит мир. «В философском смысле активность представляет собой имманентно присущее материи свойство, её атрибут», – утверждает Г.Я. Буш [4]. Эти соображения настойчиво ведут к радикальному решению, для принятия которого требуется, однако, метафизическая смелость. Но когда оно принято, складывается целостная картина материи.

Различая два самостоятельных вида материи: *вещество*, обладающее массой, и *поле*, обладающее энергией, современная физика обрекает естествознание на метания между двумя полюсами. С одной стороны, продолжаются попытки объяснить феномен жизни на субстратной основе [5]. С другой стороны, сохраняются надежды на плодотворность концепции биополя [6]. Но «До сих пор отсутствует определение жизни, которое удовлетворило бы всех... Всё, что мы можем, – это перечислить и описать те признаки живых систем, которые отличают их от неживых объектов» [7, с. 394]. Соглашаясь в понимании материи с Аристотелем, введём в состав материи такую компоненту, как *сила*, обладающая активностью. При этом представление о материи преодолевает бинарную альтернативность и обретает системную целостность [1]. Сопоставляя триаду материи

Поле

Вещество

Сила

с семантической формулой системной триады, мы видим, что сила оказывается в аспекте эмоцио, то есть там же, где активность, движение, жизнь.

Удивительно, что столь расхожее понятие физики, как сила, так и не было удостоено чести стать философской категорией, хотя многие крупные философы упоминали его с не меньшим уважением, чем движение и материю. Приведём несколько высказываний о силе, принадлежащих известным философам: *Кузанский*: «Сила изначально присуща самой материи...Предположение о Единой силе Вселенной, которая, возможно, является причиной её возникновения. Тема XXI века!» *Спиноза*: «Человек или общество (государство) воспроизводит своё бытие благодаря мощи (силе), которой он или оно изначально обладают». *Локк*: «Сила обнаруживается “в отношениях” и фиксируется в сознании как одна из фундаментальных идей, способных объяснить другие сложные идеи, как, например, свободу». *Лейбниц*: «Всякое тело всегда обладает движущей силой, более того – действительным внутренним движением, изначально присущим вещам... Эта первичная активная сила, которую можно назвать жизнью». *Ламетри*: «Материя содержит в себе оживляющую её движущую силу». *Дидро*: «Сила, будучи атрибутом материи, проявляет себя в законах по-разному, в различных обликах в зависимости от форм её движения». *Кант*: «Материя наполняет пространство не просто благодаря своему существованию, а благодаря особой движущей силе». *Шеллинг*: «Феномен каждой силы есть материя». *Гегель*: «Движущаяся материя и есть сила... Понятие силы сохраняется... как сущность в самой её действительности». *Бюхнер*: «Без силы нет материи –

без материи нет силы». *Дицген*: «В онтологии сила есть материя, а в гносеологии – материя есть сила».

А. Бэттлер [8] признаёт, что хотя «все упомянутые философы так или иначе увязывали силу с материей и движением» [8, с. 67] и «приходили к выводу о существовании силы “внутри” самой материи как её движущей основы» [8, с. 289], но всё же «сила не стала философским инструментом познания» [8, с. 68]. В заключение автор пишет: «Из моего определения онтологической силы – онтобии как атрибута бытия, который определяет его существование, вытекает, что всё материальное пространство обладает силой» [8, с. 289–290].

Самостоятельный статус признавал за силой ещё Ньютон. И на Востоке сила понималась как воплощение гармонии движения, свойственной самим вещам. В Китае «внимание было обращено не на взаимодействующие тела, а на силовое пространство между ними», – напоминает Ю.С. Владимиров [9, с. 31]. Переход метафизики из предметного пространства в пространство отношений заостряет интерес к понятию активной силы. «Очевидно, какая-то сила действует в мире, большая, чем мы сами... та сила, которая, собственно, и творит историю», – пишет М.К. Мамардашвили [10, с. 35 и 27]. Порождая новое, активная сила становится креативной. «Я не могу представить никакого порядка, никакого космоса, возникшего без участия творческого начала», – отмечал Б.С. Кузин [11, с. 182]. «Познавая, наш разум не наблюдает, он формирует действительность... Мысль – самая мощная сила», – предрекал В.И. Вернадский (цит. по [12, с. 281 и 353]). Через активность проявляется внутренняя способность материи к саморазвитию. Любопытно, что о творческой способности сознания писал и Ленин, указав, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [13, с. 204]. Неудивительно, что это место послужило предметом изошрённой и мучительной спекуляции со стороны философов, заинтересованных в материалистической трактовке такой фразы (см., напр., [14]).

Архетип, претендующий, как и сила, на роль направляющего параметра порядка в гуманитарной сфере, ассоциируется с таинственным понятием стиля. Художественным стилем интересуются искусствоведы и дизайнеры, поведенческим – этологи и этнологи, творческим – психологи и философы. В творческой деятельности любого учёного тоже формируется свой стиль, столь же индивидуальный, как почерк. Труды В.И. Вернадского, Б.С. Кузина, А.А. Любищева различаются по стилю не меньше, чем по содержанию. Однако научные работы ценятся больше по результату, чем по стилю. И хотя красота изложения признаётся критерием правильности, но скорее всё-таки подтверждающим, чем определяющим. Если же говорить об учёных, работающих в сфере образования, то весьма любопытно, что наши воспоминания об учителях оказываются связанными именно со стилем преподавания, с их особым умением научить пониманию.

Чем ярче личность, тем сильнее звучит голос стиля. Обратившись к этой проблеме, я обнаружил, что по ней существует богатая литература:

А.Ф. Лосев, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, М.С. Каган, Ю.В. Линник, Д.С. Лихачёв... Но хорошего определения стиля я, к сожалению, не нашёл. В зависимости от подхода это понятие трактовалось по-разному: принцип организации, инструмент упорядочивания, механизм регуляции, знак детерминации и т. д. Попытки характеризовать стиль через способы, методы, подходы, нормы, принципы, образцы, каноны и т. п. не привели к достаточно общей дефиниции этого «хитрого» понятия. Показателен в этом отношении апофатический поиск А.Ф. Лосева под знаком вопроса «Что не есть художественный стиль?». Оказывается, это не есть только его чувственный образ, не есть отвлечённая идея предмета, не есть просто только его форма, не есть приём, не есть структура произведения или его модель, не есть метод построения, не есть только природное явление или только явление искусства и много чего ещё – не есть [15, с. 283–285]. А что же он есть? А.Ф. Лосев связывает художественный стиль со смыслом, переработанным художником в чувственно-смысловой образ, порождающий не только понимание, но и сопереживание. *Атом* Демокрита, *вода* Фалеса, *огонь* Гераклита – образы, выразительно говорящие о стиле этих философов.

Проблема стиля очень походит на проблему целостности, тоже не решаемую через формализацию. Понимая стиль как целостность образной системы мыслительных и выразительных средств человека, мы тем самым связываем это понятие с характерными свойствами личности, со всеми способностями человека, образующими его как целостность. «Стиль – это сам человек», – смело заявил Жорж Бюффон на заседании Французской академии 25 августа 1753 г. «Стиль – это человек, которого нет, но который ищется, чтобы быть», – уточняет в наше время К.А. Свасьян [16, с. 130]. О том же пишет и М.К. Мамардашвили: «Человек – это прежде всего постоянное усилие стать человеком, человек – это... состояние, которое творится непрерывно» [10, с. 26]. Вся *жизнь* – самостановление через поиск, узнавание и совершенствование своего стиля. Таков путь самоосуществления. И человека, и этноса. Становление стиля – процесс асимптотический: совершенство приближается, но не достигается. Всегда остаётся недоопределённость, открывающая путь к бесконечности. И движение продолжается, совмещая, как говорил Гёте, величайшее дерзновение с величайшим смирением.

В книге М.К. Мамардашвили [17] меня зацепили слова: «Необходимо... ввести онтологический принцип неполноты бытия». И беседа однажды с К.А. Свасьяном, я стремился выяснить глубинную суть этого принципа. Допущение небытия, внебытия, инобытия снимало бы нажим вопроса, но меня это не устраивало. Можно было бы также увидеть ответ в том, что «творение продолжается». Но мне казалось, что Мамардашвили имел в виду неполноту бытия как таковую. И тогда смысл этого принципа становится мучительно загадочным. Для меня эта загадка смыкалась с проблемой открытости, допускающей наличие неконтролируемых источников знания. И я продолжал мысленный поиск, рассуждая путём итераций. Так, если допус-

кать существование бытия, не охваченного мыслью, то можно говорить о неполноте мыслимого бытия. Нет, лучше так: существует Вселенная, которую мы постепенно осваиваем мыслью, расширяя бытие (реальность). Или ещё точнее: Вселенная осознаёт себя через человека, становясь тем самым бытием; и это процесс не раскрытия готовой Вселенной, а процесс её становления. И если действительность есть актуально наличное бытие, то мир становится действительностью в ходе осмысления его человеком. Происходит осуществление сущности. Таков контекст жизни стиля. Выступая однажды с докладом «Асимптотичность человека», я закончил его словами: «Рационалист предпочитает иметь дело со счётной бесконечностью. Интуитивист полагает её континуальной. Живой человек общается с бесконечностью асимптотической».

Понятия, образы, символы – три выразительные средства человека, соответствующие семантической матрице «рацио-эмоцио-интуицию» [1]. Место стиля, выражаемого образно, сгущается, как видим, в сфере *эмоцио*, где его роль аналогична роли научной парадигмы в сфере *рацио*. Однако тут надо иметь в виду не только индивидуальный, но и коллективный стиль, выражающий концептуальную систему, направление искусства, дух эпохи. Простираясь от личности до эпохи, стиль демонстрирует феномен масштабной инвариантности, указывая одновременно на ограничения фрактальных свойств. «Дано мне тело – что мне делать с ним, таким единым и таким моим?» – с удивлением вопрошал поэт [18, с. 68]. «Народы – в такой же мере существа нравственные, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как отдельных людей воспитывают годы», – писал П.Я. Чаадаев [19, с. 44]. «Монархии, как и республики, падают не по причинам экономическим, политическим, нет, гибнут от утраты стиля», – отмечает Ю.В. Давыдов [20, с. 335]. Фрактальность бытия, выделяя масштабную инвариантность, помогает понимать общественные явления, судя по себе. Социальные структуры подобны правилам поведения человека [21, с. 115]. Возникновение пассионариев подобно зарождению идей. Сети общения похожи на клубки мыслей.

В проекции на системную триаду синергетики «нелинейность-когерентность-открытость» (см. также [22; 23]) видно функциональное родство стиля с фактором когерентности, занимающим ту же семантическую нишу (*эмоцио*) и превращающим взаимодействие элементов в параметры организации системы. Значит, стиль служит штурманом самоорганизации целостности. Если понятие параметра не ограничивать математическим смыслом, то эту роль могут играть и сугубо гуманитарные концепты. Г. Хакен, например, в качестве таковых рассматривает национальный характер, общественное мнение и даже моду [24]. Тогда и сам стиль, вырастая из архетипа, может претендовать на роль направляющего параметра порядка, стягивая организующие силы, как аттрактор. В организационном процессе выстраивается форма отношений, структура связей. Самоорганизация происходит в пространстве отношений, которое богаче предметного и количественно, и структурно, и семантически. Так и стиль выражается не столько в

вещах, сколько в отношениях, составляющих, кстати, язык когерентности. Формирование параметров соответствует возникновению понимания, постижения целостности системы. Этот процесс не ограничивается аспектом *рацио*, он захватывает человека в целом, неизбежно включая и стиль.

Выражая семантику формы, стиль является предметом морфологии. Но если строго ограничивать его сферой культуры, то придётся отказать в этом свойстве всей той природе, которой культура не коснулась. Такое отношение к природе несёт в себе следы высокомерия, породившего экологический кризис. Современная концепция коэволюции предлагает относиться к природе более уважительно, признавая за ней собственную стратегию развития, включающую феномен стиля. Замышляя работу о стиле как об эстетической трактовке органических форм, А.А. Любищев ещё в 1918 г. обнаружил, что «в природе несравненно больше красоты, чем полагалось бы, если бы строение организма преследовало только утилитарные цели» [25, с. 4]. Развивая теорию органической формы, А.А. Любищев вполне допускал участие в эволюции номогенетического фактора, который отлично вписывается в современную синергетическую концепцию самоорганизующейся Вселенной. Да и у А.Ф. Лосева стиль не есть «только явление искусства».

Символизируя глубинные архетипы, структурные формы видятся как знаки и, становясь понятиями, обретают смысл параметров порядка. Начиная этот путь как символы, они быстро ведут к образу, выражающему стиль. Ещё на стадии интуиции представление о человеке часто складывается по одному характерному слову, жесту, поступку. Достаточно вспомнить образы, которые создали Олег Ефремов в фильме «Три тополя на Плющихе», Евгений Урбанский в «Балладе о солдате», Олег Даль – в любой роли. Не менее сильно заявляет о стиле разящая фраза Андрея Платонова, дерзкая фантазия Сальвадора Дали, волшебная мелодия Моцарта. Стиль своеобразен, потому что выдаёт образ своей целостности. Задача образования – в том же русле: формирование внутреннего образа внешнего мира. В триаде выразительных средств человека «понятия-образы-символы» стиль доминирует через «эмоцию» образа, то есть там же, где динамика, сила, жизнь. И если биоэтнос, согласно Л.Н. Гумилёву, характеризуется поведением, то нооэтнос, возможно, будет характеризоваться стилем [26].

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранцев Р.Г. Становление тринитарного мышления. – М.; Ижевск: НИЦ «РХД», 2005.
2. Jantsch E. The self-organizing universe: scientific and human implications of emerging paradigm of evolution. – Oxford, 1980. См. также: ОНС. – 1999. – № 1. – С. 143–158.
3. Чайковский Ю.В. Идея отбора опровергнута опытом. Какой фактор движет эволюцию? // XX Любищевские чтения. – Ульяновск, 2006. – С. 104–114.
4. Буш Г.Я. О диалогической теории творчества // Современные проблемы теории творчества. – М., 1992. – С. 12–27.
5. Иваницкий Г.Р. XXI век: что такое жизнь с точки зрения физики // Успехи физических наук. – 2010. – Т. 180. – № 4. – С. 337–369.

6. *Любищев А.А., Гурвич А.Г.* Диалог о биополе. – Ульяновск: УГПУ, 1998. – 208 с.
7. *Реутов В.П., Шехтер А.Н.* Как в XX веке физики, химики и биологи отвечали на вопрос: что есть жизнь? // *Успехи физических наук.* – 2010. – Т. 180. – № 4. – С. 393–414.
8. *Бэттлер А.* Диалектика силы: онтобоя. – М.: УРСС, 2005. – 320 с.
9. *Владимиров Ю.С.* Метафизика. – М.: БИНОМ, 2002. – 550 с.
10. *Мамардашвили М.К.* Сознание и цивилизация: тексты и беседы. – М.: Логос, 2004. – 272 с.
11. *Кузин Б.С.* Из писем к А.А. Гурвич // *Вопросы философии.* – 1992. – № 5. – С. 166–190.
12. *Аксёнов Г.П.* Вернадский. – М., 1994. – 544 с.
13. *Ленин В.И.* Конспект книги Гегеля «Наука логики»: соч. 4-е изд. – М.: ГИПЛ, 1958. – Т. 38. – С. 73–231.
14. *Цзэсюнь.* Является ли мыслью Ленина положение, что сознание творит мир? // *Вопросы философии.* – 2007. – № 5. – С. 85–98.
15. *Лосев А.Ф.* Проблема художественного стиля. – Киев: Collegium, 1994. – 288 с.
16. *Свасьян К.А.* Послесловие к книге Андрея Белого: Глоссология. Поэма о звуке. – М.: Evidentis, 2002. – 143 с.
17. *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. – Тбилиси, 1984. – 82 с.
18. *Мандельштам О.Э.* Соч.: в 2 т. – М.: Худ. лит-ра, 1990. – Т. 1. – 638 с.
19. *Чаадаев П.Я.* Статьи и письма. – М.: Современник, 1989. – 623 с.
20. *Давыдов Ю.В.* Бестселлер. – СПб., 2004. – 560 с.
21. *Капра Ф.* Скрытые связи. – М.: София, 2004. – 336 с.
22. *Баранцев Р.Г.* Имманентные проблемы синергетики // *Вопросы философии.* – 2002. – № 9. – С. 91–101.
23. Новое в синергетике: Взгляд в третье тысячелетие. – М.: Наука, 2002. – С. 460–477.
24. *Хакен Г.* Синергетика как мост между естественными и социальными науками // *Синергетическая парадигма.* – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 106–122.
25. Материалы научного дневника Любищева А.А. // *XXII Любищевские чтения.* – Ульяновск, 2008. – Т. 1. – С. 3–53.
26. *Баранцев Р.Г.* Размышления о стиле // *XXIII Любищевские чтения.* – Ульяновск, 2009. – С. 232–239.